

АРХЕО·ГРАФИКА

№2, ноябрь 2014 г. ~ Трудями Археографической лаборатории Истфака МГУ

В номере:

«Подтолкни ко спасению...»

Е.В. Градобойнова, архлаб

Про Верхокамье и бабушек

Екатерина Жданова, 3 курс

В поисках национальной идеи

Анастасия Климова, 3 курс

Молдавия, впечатления

Мария Дятлова, 2 курс

Путешествия

за редкими книгами

Ю.С. Белянкин, архлаб

Книжница Бендерской старообрядческой общины: листая страницы истории

матушка Ксения
Костромина, Бендеры

Саввин от первого лица

публикация подготовлена
Тамарой Чернаковой, 2 курс

Другой конец земли

Н.В. Литвина, архлаб

ВЕРХОКАМЬЕ, МОЛДАВИЯ, ПРИМОРЬЕ

Подзаголовок номера – это география экспедиций Археографической лаборатории в 2014 году. Не каждый год нам так везет. Оплатить расходы помогли: Истфак, финансировавший археографическую практику, фонд «Русский мир» и Иван Леонидович Шевнин, хабаровский исследователь, который сэкономил свои личные средства из гранта РГНФ на оплату нашего перелета во Владивосток. И это не просто формальный поклон благодетелям, мы от всего сердца благодарны за возможность работать, заниматься любимым делом – настоящая роскошь по нашим временам.

Верхокамье, Молдавия, 2014

«ПОДТОЛКНИ КО СПАСЕНИЮ...»

*«Рай отворен, а бездна открыта,
идеже хоцет человек, тамо и
упражняется».*

Цветник священноинока Дорофея, Гл. 11

Общаясь в ходе экспедиций со старшим поколением старообрядческих приходов, часто слышишь рассказы о зрелом, более сознательном, нежели в детстве, обращении к вере. Многие наши информанты вспоминают детские годы, когда родители или бабушки и дедушки строго следили за соблюдением постов, водили к причастию, отдавали в воскресные школы на учение к какому-нибудь отроку (неженатому члену общины) или мудрому старцу-книжнику, водили на Пасху с фонариком в церковь, наказывали за небрежение и баловство во время молитв. Дедушке Петру Карповичу в этом контексте пришел на память случай, как они с мальчишками разбаловались перед исповедью в церкви, и отец оговорил – «не по-человечески ведете себя, не по-христиански». Воспитывая в вере, бдительные старики могли и лестовкой ударить во время службы.

Период ученичества сменялся этапом активной трудовой, семейной, общественной деятельности, вытеснявшей заботы духовные. Не способствовала продолжению связи людей с церковной жизнью и идеология советского государства. При этом наши собеседники подчеркивают, что совсем от веры не отступали никогда: творили молитву, старались исповедоваться, тайно ночами венчались и крестили детей, подавали милостины по душам усопших родственников. Если на трудовые будни выпадали церковные праздники, то молились св. Филиппу и Богородице спорительнице хлебов, тогда считалось, что Бог не накажет.

Затем, несмотря на временное ослабление религиозной жизни, искренне верующие люди рано или поздно возвращались на некогда указанный им путь. Начали беспокоить недуги, покаянные мысли о грехах, о небогоугодной деятельности. Многие говорили о том, что Бог в определенный момент как будто позвал; ощущение необходимости спасения души буквально приводило в церковь. Матушка Февруса очень хорошо помнит, что во сне видела Христа с босыми ногами, за которым последовала, – значит, Господь указал предназначенную дорогу. Одна из наших собеседниц Надежда Степановна когда-то увидела сон о том, что сама Богородица завела ее в храм. И с тех пор стал в ней пробуж-

даться интерес к вере. Ее благословили петь на крылосе, читать жития святых. И, двадцать лет назад, на коленях, моля Бога о ниспослании ей мудрости, она вдруг ощутила, что есть у человека бессмертная душа.

Отец Анфисы Зиновьевны обратился к вере и отрастил бороду после того, как фашисты сжалились и не стали расстреливать его четверых детей. Позже сама Анфиса Зиновьевна стала постепенно обращаться к церкви. И как-то ночью ей приснился отец с протянутыми из подпола руками. А после того как она стала петь на крылосе – из того же подполья он ей показался уже по пояс. Бабушка рассудила, что таким образом отец подал ей знак одобрения за приобщение к религии. «Придет час – не откупишься, не отпросишься» – говорит Фотинья Исаковна.

Матушка Февруса, с. Кунича, Молдавия, 2014

Сознательный приход в веру зачастую приводит человека к более глубокому пониманию своего места в мире, осознанию своей личной ответственности перед Богом за каждый поступок. Вера заставляет проводить границы, очерчивать зоны дозволенного, требует самоидентификации. Например, одна из собеседниц, невзирая на обвинения соседей («вот кацапка – святой себя ставит») перестала ходить на поминки к

никонианам, понимая невозможность для себя участия в чуждых ритуалах. Она же не пустила в квартиру невенчанную внучку, не желая из-за ее греха нести наказание в виде отстаивания церковных служб на паперти. Стараются верующие направить око духовное и на собственное поведение, внутреннюю сущность: упомянутая матушка Февруса корит себя за грех многоглаголения и постоянно отгоняет мысли «как мух», мешающих молитвенному сосредоточению.

Достигнув более высокого духовного уровня, люди начинают замечать чудеса. Матушка Февруса уже после принятия пострига однажды уснула после исповеди, и уже было проспала полнощницу, но кто-то постучал по сетке из-под кровати, матушка проснулась и возблагодарила Бога: «Господи, это же ты меня разбудил». Надежда Степановна, когда молилась с 1 до 3 ночи, то наблюдала различные видения, окончательно подтвердившие ей существование Бога. Одному из ныне почивших духовных отцов явился ангел, уговоривший его продолжить служение в церкви, несмотря на личную обиду, испытанную в ходе приходских неурядиц. Верующие такого уровня духовного развития тоньше ощущают грань между сакральным и мирским, например, если молятся за покойного, то бремя его жизни, грехов берут на себя и могут даже какое-то время болеть. «За доброе обязательно надо страдания претерпеть, а тогда уже венец получишь» – разъясняет Надежда Степановна.

Существует много факторов, якобы мешающих обращению к вере: молодой возраст, работа в садах и огородах, ранний воскресный базар, субботние бани... Но столь уж они значительны по сравнению с делом спасения души? Отвечать на этот вопрос предстоит любому верующему человеку, не только старообрядцу.

Е.В. Градобойнова, Архлаб

ПРО ВЕРХОКАМЬЕ И БАБУШЕК

Лето – это не просто возможность отдохнуть от городской жизни, от суеты и, конечно же, от сессии, но и возможность посмотреть мир, узнать нечто новое. Поездка в Удмуртию и Пермский край – наверное, самое яркое событие

этого лета для меня. Несомненно, изначально такое путешествие в русскую глубинку пугало. Перспектива жить в холодной избушке на протяжении трех недель не радовала, а сон на холодном полу откровенно ужасал. Но выбора особого не было.

Приехали мы не в самую прекрасную погоду: приветствовали нас холода и дожди. Вообще всю поездку погода нам как-то не благоволила, но в дальнейшем она нас уже и не волновала. Главной целью почти на целый месяц стали бабушки.

Е.А. Чадова и П.П. Порошина, Верхокамье, 2014

Вот не поверите, к бабушкам, которым под 90 лет, у меня всегда было предвзятое отношение, то ли стереотип, то ли нечто другое. В моем представлении они обязательно сварливые и медленные. Да и вообще, 90 лет это же огого, как много! Не ожидала я, что моё мнение изменится, но увидела бабушек добрых, живых и разговорчивых, громких и заводных. И истории они мастера рассказывать, и рукодельничать, и хозяйство сами вести горазды. Удивительно это, когда маленькая худенькая бабушка берёт полное тяжёлое ведро с водой и неспешно несёт его к дому. Удивительно и то, как эти бабушки хранят традиции, как искренне верят в то, во что верили их предки.

Евдокия Александровна, духовница

О традициях здесь стоит сказать несколько подробнее. Предуралье странным образом сберегло тот образ жизни, который вели люди пару столетий назад. Старообрядцы – большая часть

местного населения Верхокамья – сохраняют особенности своей веры. Видели мы и бабушек в дубасах, и духовных наставников, и на самих моленьях присутствовали. Однако модернизация жизни не обошла стороной и эти края. Углубляется разрыв поколений, все чаще обычаи теряют свой первоначальный облик. Уже и сами старoverы путаются в устоях. Спросили мы одну бабушку, был ли Никон антихристом? Бабушка твёрдо ответила нам, что как ему им не быть, коли саму веру решил исправлять. А вот другая бабушка настолько уверена уже не была, отвечая, что не знает этого, да и вообще, никто этого знать не может. Вот что прочно уяснили все старoverы – это то, что конец света наступил. "Кони железные по земле пойдут, птицы железные по небу полетят, весь мир железной сетью опутан будет", – вот, какие признаки у конца. Говорят, что с 30-х годов начался он, когда тракторы появились, да вот все и продолжается.

Настя Климова и Катя Жданова, Верхокамье

У нас же конца света пока нет, несмотря на провода, которые весь мир и "опутали". А мир сам прекрасен. Какая дивная природа в Предуралье! Какие высокие сосны, какие поля, какие реки! Видели мы и исток уральской реки Камы, которая начинается маленьким ключиком, а затем расширяется до большой полноводной реки. Водоемов в Пермском крае уйма. Вдоль дорог расположились ручейки и болотца, которые при дождливой погоде так и норовят выплеснуться на проезжую часть. Сказать бы про дороги, но говорить особо не о чем: почти нет дорог в деревнях Удмуртии и Пермского края. Зато есть много глины. И в дождь накапанный участок под названием "дорога" превращается в своего рода кашу ржавого цвета.

И вот, что удивительно: настроение человека зачастую зависит от погоды. Солнце на улице – и нам весело, а как небо хмуриться начнёт, так и грусть накатывает. Большую часть нашей поездки было пасмурно, шёл дождь, да и тепла не было. Но мы не скучали. То ли из-за тёплой компании, то ли от постоянного открытия чего-то ново-

го для себя, то ли от эмоций, которые мы переживали, постоянно переезжая из села в село.

Закончилось путешествие наше быстро, три недели пролетели незаметно. Вновь мы вернулись в город с его сумасшедшим ритмом, вновь окунулись в суету будней. Но впечатлений, которые произвела эта поездка, останется на целый год; долго мы будем вспоминать русскую баню, бабушек-одуванчиков и те традиции, которые остались нетронутыми цивилизацией.

Екатерина Жданова, 3 курс

В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Моя поездка в Верхокамье изначально не имела никаких целей. Я восприняла её как обязательную практику, которую должна отработать как добропорядочный студент Московского Университета. Со всем смирением, присутствующим учащимся кафедры Истории Церкви, я поехала в экспедицию.

П.П. Порошина и В.С. Тютиков на молении

Время остановилось. Казалось, что рабочий день не имел ни начала, ни конца. Как городской обыватель, я сразу сделала вывод, что в деревне нечего делать: некуда пойти поразвлечься, невозможно пообщаться с друзьями в кафе или посмотреть очередное кино в любимом кинотеатре. Но спустя несколько дней приходит понимание того, что жизнь старoverов Верхокамья гораздо меньше подвержена суете и пустой трате времени. Моление, домашнее хозяйство, забота о ближнем – это, пожалуй, главные черты их повседневной деятельности. Мирские старoverы в большей сте-

пени преданы своей семье и дому, соборные – молитве. Праздность и леность – понятия несовместимые с жизнью староверов.

Безусловно, в современном мире трудно соблюдать все традиции, присущие старообрядческой культуре. В домах можно было увидеть телевизор, холодильник и другие продукты глобализации. Большинство староверов получают пенсию, хотя, исходя из их представлений, это является грехом. Но, несмотря на все соблазны повседневной жизни, они находят время для своей души, собираясь на моления. Моление – это совместное служение староверов Богу. Поражает, насколько они едины в этом процессе. Соприисутствовав несколько раз на молениях, я убедилась, что это воистину таинство.

Моление, Верхокамье, 2014

Нельзя не отметить ещё одну важную особенность духовного облика староверов. Это смирение. Смирение совсем не означает непротивления злу, слепой покорности обстоятельствам. Смирение староверов – это способность бескорыстно помогать другим людям, жертвуя своим личным временем, душевной энергией, материальными средствами. В подобной общине чувствуешь себя защищенным, потому что ты знаешь, что тебе есть на кого опереться. Равнодушие здесь недопустимо.

Таким образом, старообрядчество – это не только религиозная традиция, но это и образ жизни, причём подлинно русский. Русский человек всегда был готов помочь ближнему, зачастую абсолютно безвозмездно. У староверов ещё сохраняется обычай помочей (это когда в люди помогают друг другу по хозяйству). Они не обращают эту помощь товарно-денежную философию.

Масса историй, которые мы услышали во время наших бесед со староверами, доказывают, что жизнь для них – это самая великая ценность. Ничто не может сломить дух этих людей: ни война, ни голод, ни даже смерть близких. Староверы – это носители русской ментальности и культуры. Сейчас государство, научное

сообщество, интеллигенция, Церковь пытаются выработать национальную идею современной России. Пусть они съездят в Верхокамье и увидят всё собственными глазами. Староверы олицетворяют и воплощают русскую национальную идею. В чем же она заключается? Честный труд, забота друг о друге, нравственное совершенствование и самоанализ, любовь к Родине. Вот пример устойчивой и сильной России.

М.П. Селезнева с крестницей, Верхокамье

Староверы – люди, твёрдо стоящие на своих жизненных принципах, несломленные, ответственные и счастливые.

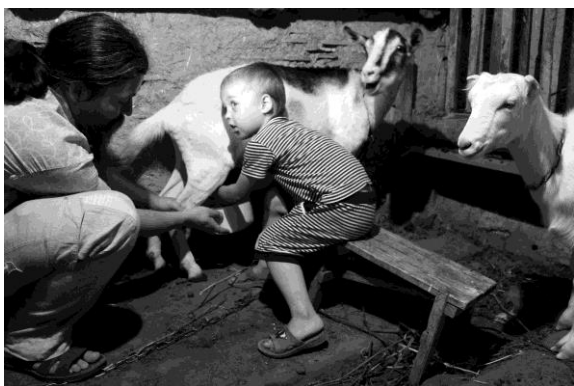
Анастасия Климова, 3 курс

МОЛДАВИЯ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Что же такое старообрядчество? Сознание обычного мало-мальски образованного человека при этом слове рисует великорусский пейзаж с небольшим селом, бородатых дедов и девиц в сарафанах с томными нестеровскими взглядами. Вот и я, отправляясь в Молдавию, хоть и знала немного о том, что меня ждёт, но всё же в глубине души надеялась найти там не то Китеж-град, не то и вовсе потерянный Рай – одним словом, место, где живут необыкновенные люди, у которых слово не расходится с делом, а вера – с жизнью, где традиция наполняет повседневность смыслом.

Однако за границей Приднестровья нас ждал вовсе не Китеж-град, а Бендеры и Тирасполь, со дня на день ожидавшие нападения Украины, а на

севере Молдавии – Кунича и Покровка, озабоченные сбытом урожая в условиях российского эмбарго. Поэтому политические темы стали неизменной частью любой нашей беседы со староверами, будь то многочасовые разговоры или пара слов со случайным прохожим.

Семья священника, с. Бычок, Приднестровье

"Бедненький Путин, миленький Путин", – твердила одна куничанская старушка. "А я всё-таки считаю, молодец Путин, что ввёл это эмбарго", – вторил ей другой наш собеседник. "Хотели все в Евро – вот, получите! Не нужны вы там никому!" – досадовал третий. "А ведь раньше единый Союз был, можно было ехать куда хочешь. Ходили часами по Москве, и хоть бы кто паспорт спросил!" – предавалась но-стальгии семья покровских старожилов.

З.А. Левко, Бендеры, Приднестровье, 2014

Говорили и об Украине. Многие старообрядцы рассматривают войну как один из признаков конца времён: "И предаст на смерть брат – брата", (Мк. 13:12); "Да, восстанет народ на народ и царство на царство", (Мф., 24:7). При этом нам часто рассказывали предание "из книг" о том, что война в маленьком государстве повлечёт за собой большую войну, а та, в свою очередь, – светопреставление. [Источник этого довольно распространённого сюжета мне пока найти не удалось.]

Конечно, невозможно сформулировать общие политические идеи наших респондентов, тем более что староверы по натуре склонны к разно-мыслию. Но что не переставало меня удивлять,

так это столь распространённая тоска по советским временам, какими бы безбожными они не были, даже среди самых равнодушных членов приходских общин. И если взвесить все "за" и "против", то для староверов открытые границы, консервативные ценности, относительная стабильность и, выражаясь терминами 1930-х, старшинство русского народа в семье советских народов, безусловно, перевешивают репрессии против церкви и атеистическую пропаганду.

Праздничная трапеза с владыкой Никодимом, Кишинев, 1960-е гг.

Наверное, добрая память об СССР – одна из причин, почему Россия по сей день остаётся политическим полюсом, которого старообрядцы придерживаются и на который надеются, некоторые из них даже пишут Путину письма с просьбами о поддержке. Впрочем, есть и множество других обстоятельств, помимо этнической идентичности и советского прошлого: старообрядцы смотрят российские телеканалы и слушают российское радио, центр митрополии находится в Москве, туда же на заработки уезжает молодое поколение, а до недавнего времени Россия являлась ещё и одним из крупнейших рынков сбыта. Однако, даже зная все эти особенности старообрядческого бытия, я продолжала удивляться тому, насколько разной выглядит Россия из-под шпилья Главного Здания и с плодородных полей Молдавии.

Братья Яровы, с. Кунича, Молдавия, 2014

Да, рай навеки потерян, Китеж-град ушёл под воду, а тот благообразно-романтический туманный образ старообрядчества, который прежде был у меня в голове, разумеется, развеялся, не выдержав столкновения с реальностью. Жизнь гораздо противоречивее, и потому интереснее.

Мария Дятлова, 2 курс

ПУТЕШЕСТВИЯ ЗА РЕДКИМИ КНИГАМИ

Название этой хорошо известной книги (в оригинале – «Путешествие...») выдающегося ученого и организатора полевых экспедиций, Н.Н. Покровского, по-прежнему звучит актуально для исследователей старообрядческих общин, ежегодно и не единожды выезжающих в места их компактного проживания в разных регионах и уголках огромного пространства Русского мира. Прошедший совсем недавно полевой сезон не стал исключением и принес интересные результаты. Предугадать, в каком месте и что именно встретится во время экспедиции, нам не дано. И тем увлекательней осторожно открывать еще одну скриню в очередном гостеприимном доме, чтобы вскоре познакомиться с хранившимися в ней многие десятилетия замечательными образцами книжной культуры старообрядцев.

Рассказать обо всех находках достаточно подробно можно разве что в большой научно-образной статье. Однако среди них можно выделить два примечательных текста из одной рукописи, которые имеют самое непосредственное отношение к истории и культуре старообрядчества.

«Сказание о двух старцах» (используем в данном случае принятое в научной литературе название, имеющее в рукописях сильные вариации) – интереснейший памятник западно-европейской переводной литературы. Это эсхатологическое произведение, попавшее на

русскую почву в XVII веке из западных памфлетов, было впоследствии адаптировано ревнителями «старой веры» и закрепилось в старообрядческой книжности. Такая необычная ассимиляция произошла во многом из-за эсхатологической направленности «Сказания». Этот памятник не первый день привлекает внимание ученых. И хотя он не является слишком редким, обнаружение каждого нового списка «Сказания», известного сейчас, как минимум, в пяти редакциях, представляется весьма важным. Автору этих строк пришлось столкнуться с очередным списком «Сказания» во время работы в одном из домов старинного села Кунича в составе отряда традиционной летней экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова.

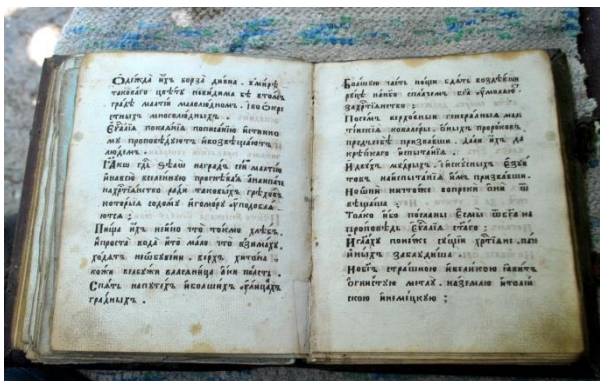

Итак, сундук раскрыт и наступает самый интригующий момент, когда выкладываешь из него одну за другой старопечатные и рукописные книги, потрепанные временем и многими-многими владельцами и читателями, когда-то бравшими их в свои руки. Быстро перелистываешь тот или другой фолиант, пробегаешь взглядом по строкам и сразу откладываешь в сторону то, что явно притягивает к себе внимание. Времени, как всегда, слишком мало...

Именно так обнаружился рукописный сборник рубежа XVIII–XIX вв., часто встречающийся тип старообрядческого «Цветника», содержащий примечательный литературный памятник, о котором и идет речь. Точнее, в нем следуют друг за другом два самостоятельных текста, непосредственно связанных общей темой, первый из которых является доминирующим и представляет собой одну из редакций «Сказания о двух старцах».

Во всех редакциях главными действующими лицами являются два старца (аллюзия на

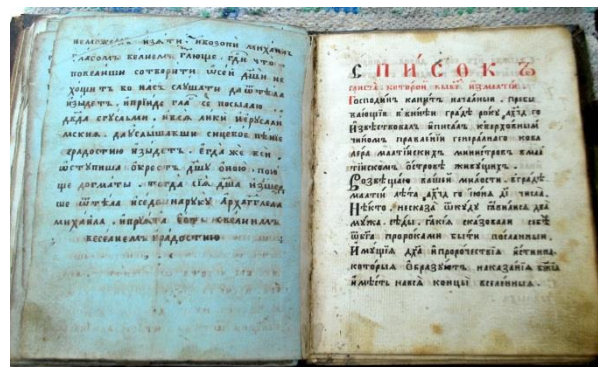
пророков Илию и Еноха), которые неожиданно и невзвешанно откуда появляются то тут, то там (как

правило, в одном из европейских городов или населенных пунктов: Неаполь, Палермо, Гаага и др.), и проповедают о грядущем конце времен, поскольку Господь прогневался на христиан во всем мире за их бесчестное и порочное житие. Это сочинение носит явный литературный характер, хотя изначально бытовало как перевод из «газет», «летучих листков» или каких-то официальных сообщений. Возникший как «новость» на злобу дня, текст о двух старцах сохранял актуальность, по крайней мере, на протяжении XVII–XVIII вв., периодически переводился с разных источников и в разных редакциях. Известно, что в XVII веке «Сказание» не мене пяти раз переводилось в стенах Посольского приказа, ведавшего получением и обработкой разнообразных известий из зарубежных стран. Наиболее ранний прецедент перевода относится еще к первой четверти XVII в. Однако более или менее широкое распространение в рукописной традиции данный сюжет получает с середины XVII в. Выявлены, по крайней мере, пять рукописей (в хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга) со списками в редакции 1690-х гг., с которой хронологически связан и наш вариант «Сказания». Внутри каждой из редакций также встречаются различия, порой очень серьезные, поскольку на протяжении долгой истории бытования текст неоднократно претерпевал обработки и изменения, что придает дополнительную ценность новым спискам «Сказания». В нашем случае помимо общего для всех редакций «Сказания» наименования адекватным будет и заголовок «Лист с острова Мальты», встречающийся в научной литературе. С одной из опубликованных и исследованных редакций в куническом сборнике совпадают только год, который был озаглавлен появлением старцев (1694; месяцы разнятся – ноябрь и июнь...) и, довольно приблизительно, общая канва повествования.

В остальном текстологические, смысловые различия достаточно существенны, чтобы можно было отнести нашу «мальтийскую» листовку к одной из известных ныне в научной литературе версий текста.

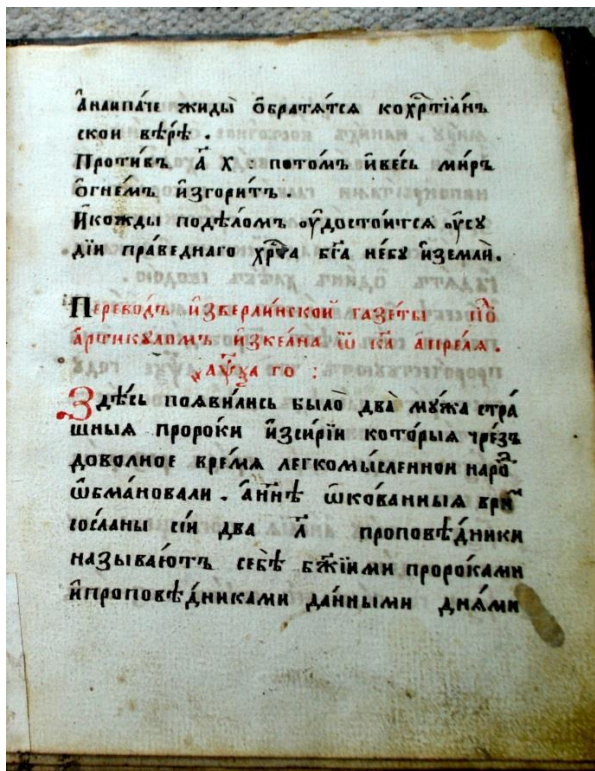
В каждой из редакций присутствует собственный набор знаковых дат из ближайшего будущего, которые будут знаменовать собой этапы грядущего светопредставления. «Верховный генералный мальтийский ковалеры» призывали к себе пророков и дали им «крепкое испытание». В рассматриваемой рукописи также присутствуют оригинальные пророчества по годам, полученные от этих мальтийских пророков. Точкой отсчета становится 1707 год: «... последний день близ есть после 1707-го року... Року 1730-го две части мира Африка и Азия огнем сожжена будет. Року 1740-го по всей земли уражи великия будут и мор. Вся же вселенная под единым пастырем и верою будет папезем римским. Року 1761-го антихрист

свою власть свирепее вознесет и мноюю силу и смущения на церкви Христовы воздвигнет...». Все этому должно предшествовать явление на небе «огнистой метлы». После исполнения перечисленных этапов «весь мир огнем изгорит».

Второй эсхатологический текст из кунической рукописи существенно сокращен в сравнении с вариантами «Сказания» основных редакций и носит заголовок «Перевод из Берлинской газеты под артикулом из Келна от 21 апреля 1761-го». Этот «перевод» в общих чертах и вкратце содержит те же факты из «Сказания», что и в версиях второй половины XVII в. В данном случае «два мужа страшныя пророки» в восточных одеяниях происходят из Сирии, за свою странную и пугающую деятельность они были в оковах отправлены в Рим. Пророки, как и полагается, босые, с «нипокрытыми главами, говорят изрядно латынским, греческим, еврейским, халдейским языками». Оба старца называли себя 700-летними (любопытно, что в

этом случае они родились на свет Божий где-то около 1000 года, когда Европа пребывала в ожидании светопреставления) и пророчествовали, что в 1765 году «в четырех частях света

восстанет жестокая война». Далее в «переводе», как и в прочих редакциях, следует собственный список последних дат: «1766-го году Царь град разорен будет. 1767-го году Англия поглощена будет водою. 1768-го году весь свет познает истинного Бога. 1769-го году встанет муж великий и чинит пророчество о том. 1770-го году общее земли потрясение ожидать должно. 1771-го году Солнце и Луна и звезды с небеси спадут на землю. 1772-го году вся земля огнем погибнет. Потом в 1773 году страшный суд воспоследует». Статья завершается киноварной припиской «да в Питербургских газетах о сем опубликовано толко вкратце». Наиболее близкая хронологически к этому варианту (и самая поздняя из ныне изученных, столь же краткая) редакция датируется 1755 годом. Однако ее содержание имеет слишком мало общего с переводом из «Берлинской газеты».

Известно, что государственные власти в лице разных ее представителей неизменно стремились бороться с распространением в народе «Сказания» и его идей. Выявленные списки изымались. Современные исследователи обнаружили целый ряд следственных дел из архива Тайной канцелярии, связанных с распространением «Сказания». География его бытования была, по-видимому, широка, т.к.

сам текст был «универсален» и хорошо укоренился в старообрядческой среде.

Конечно, изученными выше эсхатологическими произведениями далеко не исчерпываются находки университетских археографов, обретенные у старообрядцев Бессарабии. Не меньшего внимания заслуживают, например, итинерарий Андрея Винууса, стихи справщика Савватия или некоторые апокрифы. Но об этом – в следующих выпусках «Археографики».

Ю.С. Белянкин, Архлаб

КНИЖНИЦА БЕНДЕРСКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ: ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Летом 2014 года в старообрядческой общине г. Бендеры состоялась опись церковных книг, прошедшая под руководством профессора исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Поздеевой Ирины Васильевны. Для бендерской общины это, несомненно, очень важное событие – представилась возможность заново познакомиться с книгами своей «сокровищницы», узнать их с другой стороны – не только как хранителей Таинственного слова Божия, в самые тяжелые, гонительные для старообрядчества времена сберегавших древние уставы, догматы и обряды. Но и как хранителей истории Православной Старообрядческой Церкви, истории старообрядчества в г. Бендеры, истории нашей Покровской общины.

Хочу сразу сказать слова благодарности Ирине Васильевне Поздеевой, описавшей книги старообрядческих общин г. Бендеры и г. Тирасполя, и Юрию Сергеевичу Белянкину, сделавшему опись книг общины села Бычок и некоторых частных коллекций, за проделанный труд. Спаси Христос! К сожалению, в ста-

рообрядческой среде не все еще осознали значимость и важность этой работы именно для нас, старообрядцев. От себя лично скажу – в нашей общине появилась возможность упорядочить книжную коллекцию, представить себе ценность отдельных экземпляров. Мы получили советы по их дальнейшему хранению, а также подробную опись всей библиотеки с указанием времени и места издания книги или написания рукописи, ее особенностей, связанных с бумагой, переплетом, сохранностью. А у всех желающих была возможность поучаствовать в описании книг, наблюдать за работой больших специалистов в этой области, узнать много интересного из истории старообрядческих изданий.

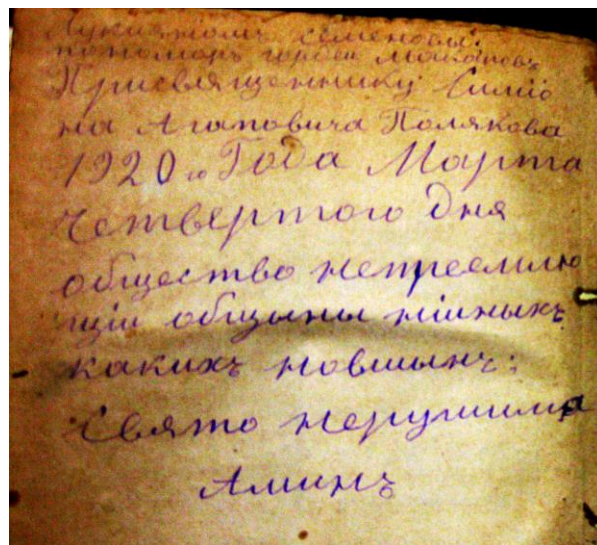
Несколько лет собирая по крупицам историю бендерского старообрядчества, в личном архиве появились воспоминания прихожан-старожилов общины, материалы из Национального Архива Республики Молдова и других документальных источников, сведения из краеведческой литературы, скромный фотоархив... Еще одним важным источником по истории общины стала церковная книжница. Главная уникальность каждой книги, каждой рукописи – это записи на страницах, оставленные предками-старообрядцами, содержащие интересную информацию о людях, событиях, местах. Записи, обнаруженные во время описи на страницах церковных книг, дали ценные сведения к истории бендерского старообрядчества, тот материал, который уже стерся из людской памяти...

Отец Андрей, матушка Ксения Костромины и Юрий Белянкин просматривают книги общины

Весьма символичным, на мой взгляд, стало то, что наиболее значимые факты из истории общины дали два на престольных Евангелия. Долгое время оставался открытым вопрос о первых священниках, возглавлявших приход с момента его основания (приблизительно 1908 год). По воспоминаниям Иванова Викула Гавриловича, одного из потомственных бендер-

ских староверов, здание под будущий храм передал общине отец Елеазар. Никаких сведений из его биографии, ни даже его фамилии людская память, к сожалению, не сохранила. Молчанием ответил и Национальный Архив Республики Молдова, содержащий значительное число документов большой Бендерской церкви (разрушенной в 1962 г.) и практически ничем не представивший до 70-х гг. «малую моленную» (так назывался ныне действующий старообрядческий храм в Бендерах). И вот на страницах Евангелия (издание 1790 г.) запись от «1920 года марта 4-го дня», свидетельствующая о благословлении книги «бывшим священником Елиазаром Неутовым и сыном его Никифором Неутовым в вечное служение». Среди выходцев из известного в Бендерах старообрядческого рода Неутовых есть попечители и председатели общины, активные члены Церковного Совета и пономари. В настоящее время председателем общины является Филипп Филиппович Неутов, его отец Филипп Карпович – также председатель общины в 1970–1980 гг. Как теперь стало известно, есть в их роду и священник, возможно даже – первый настоятель «малой моленной». Однако имя священника Елеазара Неутова, к 1920 году уже бывшего, – не единственное, упомянутое в записи. Книга была благословлена «при старосты Марка Иванова и попечителя Андрея Худякова и устовшика Лукианом Семеновы, пономаре Гордеи Макаров при священнику Симиона Агаповича Полякова».

Как священник Симеон Поляков практически не сохранился в людской памяти – возможно потому, что настоятелем общины он был короткое время. Это подтверждает и история его семьи, давшей бендерским старооб-

рядцам не одного, а двух священников. По воспоминаниям прихожан, матушка отца Симеона рано умерла, оставив супруга с несколькими малолетними детьми. И священник женился во второй раз, лишившись при этом священного сана по Правилам Святых Отец. Во втором браке у него родился сын Виктор (в будущем – протоиерей Викул Поляков), который через 50 лет станет последним в XX веке настоятелем бендерской общины.

Продолжает историю общины запись в другом Евангелии, издания 1653 года. «Сия книга Святое Евангелие приобретена второю церковью гор. Бендер старообрядческим обществом от бывшего священника Семеона Полякова за четыре тысячи при старосты Тимофее Соловьевы 26го Августа и при священнике Сергии 7437 (1929) лета.» Отец Сергей остался в памяти прихожан как «благоукрашатель» церкви, много трудов и сил положивший на оформление внутреннего убранства храма (из воспоминаний Поповой Ксении Венедиктовны). Иереем Сергием в 1922 году был освящен престол малой церкви. Так же при нем было приобретено много икон, а по свидетельству записей – и богослужебных книг. Так, например, Пролог в 4-х частях, купленный в 1927 году, из записи в третьей части которого становится известной фамилия отца Сергия – Никаноров. К сожалению, в биографии этого очень активного молодого священника остается пока для нас много неизвестного. Совершенно ясно, что он был не местный; фамилия Никаноровых не встречается и в известных на сегодня именных списках бендерских старообрядцев с середины XIX в. по 60-е гг. XX в.

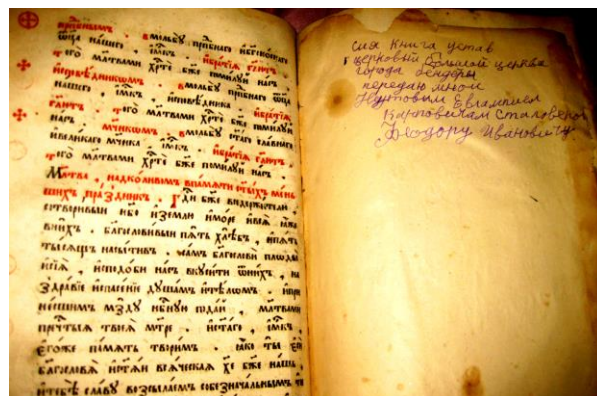
Сменивший отца Сергия в 1930-е гг. иерей Порфирий Поляков – настоятель совершенно

инога склада, но и время это было уже другое... А еще через десять лет для бендерских

1921 год. Причет и попечительский совет большой бендерской старообрядческой церкви. Слева от владыки Иннокентия Усова – иерей Сергей Никаноров, настоятель малой моленной.

старообрядцев, достаточно свободно отправлявших богослужения в период румынской оккупации, настает тяжелое время под игом безбожной советской власти. Записи в книгах, датированные этими годами, носят исключительно «семейный» характер (даты свадьбы, рождения, смерти). В 1960–1970-е гг. церковная библиотека активно пополняется книгами из большой Покровской церкви, сохранившимися после разрушения ее в 1962 году. Появляется множество книг с «перебитыми» печатями, когда поверх румынской печати большой бендерской церкви, иногда затертой, поставлена печать малой моленной. Запись во 2 части Устава «Церковное око» (издание 1641 года) свидетельствует: «Сея книга устав церковный большой церкви города Бендеры передано мной Неутовым Евлампием Карповичем Сталоверову Феодору Ивановичу». В прошлом пономарь большой церкви, Евлампий Карпович сохранил ценную книгу и передал ее дьяку «малой моленной» Феодору Ивановичу Сталоверову. И поныне этой книгой активно пользуются уставщики бендерского храма.

Владельческие записи в книгах, ныне составляющих церковную библиотеку – это известные в Бендерах старообрядческие фамилии – Неутовы, Худяковы, Чернолуцкие, Ясинковы, Бобровы, Ивановы, Колесниковы... И сегодня многие из представителей этих старинных старообрядческих родов принимают активное участие в жизни бендерской общины. Украшением церковной библиотеки стали и несколько книг из богатой коллекции отца Луки Коновалова, старообрядческого священника с. Великопловское. Ныне книги этого известного собирателя разошлись по многим приходам и частным коллекциям старообрядцев Молдавской и Украинской епархий.

В заключение хочется привести еще один любопытный факт. В 2012 году бендерские старообрядцы начали строительство нового храма с приделом. Сразу возник вопрос – в честь какого праздника будут освящены его престолы. Единодушно решили сохранить праздник Покрова Пресвятой Богородицы как престольный. Для придела же рассматривалось несколько вариантов. Наиболее почитаемыми святыми у старообрядцев г. Бендеры являются св. Жены Мироносицы, святитель Никола Чудотворец и св. Илия пророк. После долгих обсуждений решили освятить придел в честь Рождества святителя Николы (11 августа по н.ст.) Большое удивление во время описи вызвало наличие записей в нескольких церковных книгах о принадлежности их «...бендерской старообрядческой церкви 2й во имя покровы пресвятыя богородицы и никола чудотворца...»

матушка Ксения Костромина, Бендеры

САВВИН ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Август 2013. Село Старая Добруджа, Молдавия. Беседу с Саввином Фомовичем Марченковым (1929 г.р.) ведет Екатерина Владимировна Градобойнова.

При подготовке публикации воспроизводились особенности речи, в том числе фрика-

тивный звук «г» как «х», особенности ударения выделены п/ж шрифтом.

Екатерина Градобойнова: А вы родились здесь, да? в Добрудже?

Саввин Фомович: Да.

Е.Г.: А можете вспомнить, ваши родители: как звали, с какого года они были примерно.

С.Ф.: Конечно, можно. Марченков Фома Николаевич и Марченкова Феодосья Артемоновна.

Е.Г.: Они в каком году родились?

С.Ф.: Отец в 1918-м.

Е.Г.: А мама?

С.Ф.: Мама, наверное, еще была в 77-м.

Е.Г.: Это умерла уже?

С.Ф.: Нет. ЦЫБА! (успокаивает собаку). Она его была на 3-4 года меньше.

Е.Г.: А отец в каком умер?

С.Ф.: В 86-м отец умер.

Е.Г.: А она, мама, получается...

С.Ф.: Мама через год умерла. В 70... 87-м.

Е.Г.: А какая девичья фамилия была у мамы?

С.Ф.: Девичья? Щербакова, Щербакова, да.

Е.Г.: А откуда они приехали сюда?

С.Ф.: Они приехали с Покровки. Отец вот женился, и в 28-м году он приехал сюда.

Е.Г.: (Ну что-то это не может быть...). А они рассказывали, почему им пришлось уехать из Покровки?

С.Ф.: Ну отец в этой отслужил, в армии Ромынской и пришел домой, и отец... ЦЫБА! Как единоличный хозяин был там, имел поле все и заставлял работать. Он думал: «Что я буду работать на отца?!». А, и это, и пришел с армии, и приехал сюда, у Добруджу. У Добрудже его отец и его брат, они получили здесь землю и переехали сюда. И, значит, брат его остался где, а тот туда, в Покровку поехал. Ну и када, значит, пожили они там годов скока, как поменялись, брат здесь жил и все занимал поле это, хозяйство, а тот там – у Покровке. А потом отец приехал с армии, видит, что такое дело, и взял переехал сюда, и стал на свою землю. А тот поехал туда, забрал и так переехал. <...>

Е.Г.: А из детства что-нибудь помните, может, вот, когда румыны были здесь или из войны что-нибудь? А что помните, какие-нибудь истории помните?

С.Ф.: Как же не помню. Мне было 11 лет, та да када была. Ну и значито румыны здесь были и этй они 20 лет были как по договору. А потом договор ихний кончился, и румыны отступили на свою территорию. А, этй, а Россия уступила, значит, сюда, в Молдавию. Год там пожили, в 41-м началась война. И немцы пришли сюда. Ну

и немцы када пришли, война началась, война четыре года была там, под Москвой. А потом опять, значит, русские наступили, и, это, немцы отступили. И те, значит, пошли, как, у эту, в Германию, а русские заступили. Када, этой, кончилась война, значит, и прожили мы с советской власти, вот, с 45-го как раз, с 45-го и до сих пор, до 20, и там две тыщи. И тада, значит, Союз распалси.

Фотография Е.В. Градобойновой, 2013

Е.Г.: А при ком хуже было: при румынах или при Советской власти?

С.Ф.: Ну, конечно, при Советской власти было сразу как после войны, была война кончилась, потом голодовка началась у нас, у Молдавии. Ну, когда голодовка закончилась, в 47-м году закончилась голодовка. Ну а потом начали уже при Советской власти жить, конечно, было лучше, намного, потому что румыны, как говорится, мы жили очень бедно, а в Советской власти тут уже пошло совсем лучше. И так прожили, скока, вот сейчас распался союз, я не знаю, как будем дальше. Уже 20 лет живем так, с этой, с Молдавией, а Молдавия: хто тут власть? Тут нема власти никакой. Тут бардак. Все депутаты, мы их избирали, а они сейчас издеваются с народа, да, издеваются. Почему? Потому что, что?! Себе зарплату поналожили, а народу что?! Пенсии мне дали 63 [лея], пенсии сразу Воронин не-

много добавлял, добавлял. При Воронине добавили немного. А то что?! 63 – человек жить, а они по 20 тысяч получают, так как же. Шо ж это? Заралда И вот так, Воронина выгнали, а сейчас румыны повлезли туда и все за Румынию тянут. Луче, конечно, к России, Россия богатая, у ней есть ресурсы, все да чей-то лес, и нефть, и уголь, и газ, и все. А у Румынии что? Хол як сокол. Значит, они тянут туда.

Е.Г.: А за веру не преследовали? Не гоняли вот там, ну не знаю, когда советские пришли или при румынах, что вы старообрядец? Никто не мешал вам в церковь ходить?

С.Ф.: Что, что, тада, конечно, приезжали сразу, когда советская власть пришла. Когда после, значит, Сталин был, прижимали, конечно. У нас священника забрали, это, и так у тюрьме и погиб, да. Был неизвестно откуда, что и как. Приехал черный ворон, забрал и больше не видали. Было, конечно, при Сталине было, трудно было. Запрещали лерегию (религию), да, и у церков запрещали ходить, дитям, школьникам особенно. Но, а потом, уже вот Сталин помёр, совсем по-другому уже было. В 53-м ходу Сталин помёр.

Е.Г.: Лучше стало, да?

С.Ф.: Конечно, лучше. Почему лучше? Свободней. А при Сталине было, что-нибудь слово сказал и всё. Нас семь человек работало в хороде. Ну и там по пьянке сели, болтали там, кто-то следил, сдал. Дали и по 20 лет. И они вот сидели. Конечно, было, закон был твердый, а сейчас нема. Сейчас бардак. Никакого закона нет, нет хосударства.

Е.Г.: А в церковь вы всегда ходили, с детства вас в церковь водили?

С.Ф.: В церкувь я ходил и с малых лет и до сих пор ходил.

Е.Г. Каждую службу посещаете, да?

С.Ф.: Не, не кожду службу, када свободное время ишол, да. Када был на работе, тохда реже, конечно, ходил. А сейчас уже на пенсию вышел, конечно, ходил чаще.

Е.Г.: А чем вы занимались? Кем вы работали?

С.Ф.: В колхозе работал водителем немнохо, а потом перешел пчеловодом работал семь, че восемь лет в колхозе. А потом с председателем заспорили, он начал прыскать отравы, а я пошел, стал ховорить. И я бросил. Пошел у строительную. В строительной трохе работал, а потом на ферму пошел. На ферме выращивал телят, бычков, вот так. И на пенсию оттуда вышел.

Е.Г.: А кто у вас в семье самый грамотный был? Ну, вот из дедов, родителей, бабушек. Кто вот самый книжный, кто читать любил?

С.Ф.: А были все нехрамотные. А так, раньше старики в школу церковную ходили, так школы не было. А потом когда Советская власть пришла уже, значит, тогда начали школы, начали, учить детей и всё. А я вообще не ходил у школу. Почему? Потому что семья была большая, нас аж одиннадцать человек было в семье: отец, мать и девятеро детей. Было три брата и шесть сёстр. Ну и так значит, в школу они уже ходили, потому что они были меньше, а я старший был. Я один ход ходил в школу, имел карандаш и тетрадь, и вечерами ходил, потому что не было как тады. Семья большая, надо было работать, кормить, я был как старший. И больше занимался, ну мы тады единоличники были, поле было, кони пара, коровы были, ну и занимались этим. И вот так, а потом – колхоз, в колхоз все сдали так.

Е.Г.: Ну а кто вот вас молиться обучал, например? Дома или где-то еще?

С.Ф.: Дома – отец, отец.

Е.Г.: Просто наизусть заучивали, да?

С.Ф.: Да. Отец в церковную школу ходил, как им там, ход да два-три, знал читать по-церковному, это, а потом уже и нас обучал.

Е.Г.: А вы научились в итоге по-славянски или не читали вообще?

С.Ф.: Я вообще нехрамотный был. А вышел на пенсию и начал самоучой, сам читать, книхи учить. И начал учить, учить, и сейчас вот могу читать церковные книхи. А так я хотел водителем быть, но тада надо было образование. Ну и я пошел, зато хороший преподаватель был и вывчился. Вывчился по плакатам, я нехрамотный – я по плакатам. Эти запчасти, все я вывчил все и работал водителем семь лет. Так было. Так сказать, всего пришлось. Отец на фронте был, а потом с фронта пришел раненый, трудно было.

Е.Г.: А вам что-нибудь родители рассказывали про старую веру, кто такие старообрядцы и почему надо быть старообрядцем?

С.Ф.: Ну, видишь, такая, как ховорится, у нас вера была. Вот так вот старики ходили в цер-

ковь, молились, ходили и нас учили. А здесь что, откуда бы что знали. А в такую школу не ходили раньше, потому что надо было платить. А семья большая, и понятно – мы не ходили.

Е.Г.: А ваша сейчас собственная семья, сколько вас народу? Вы женаты, да?

С.Ф.: Да, у меня вообще была семья. Я жил, было у меня четверо детей. Первый сын родился, маленький помёр. И второй, значит, первая дочка была, значит, 50-го хода рождения. Сын был 51-го хода рождения. И дочка третья была 56-го хода. Сына убило током на дворе. Он шёл и хватился за провод, и впало ему на хрудь, и его убило током. А дочка болела желтухой, потом цирроз печени меньшая, и помёрла. Болела десять лет, помёрла. Жена, это, то же само, первая дочка была у коме семь дней, мы над ней так сидели, потом отошла и сейчас болеет там, а живая. А та дочка помёрла, потому что вон, цирроз печени, болела. А жена через детей начала тоже переживать, цирроз печени схватила, и потому что сына убило током на дворе. И она переживала, цирроз печени схватила, помёрла тоже, в 65-м ходу помёрла. Я женился, взял вторую, так вот живу тридцать лет.

Е.Г.: А внуки у вас есть, да?

С.Ф.: Внук и внучка. Внучка, это, в России, там, на Сибири работает, уехали. А внук у Покровку поехал, женился и там живёт. И все, больше нема моей семьи никого – один.

Е.Г.: А он в Покровку поехал к родственникам к кому-то, да?

С.Ф.: Нет, поехал, и нашел себе там невесту, и женился, и там построился, и там живет.

Е.Г.: А почему он так реши, в Покровку? На историческую родину?

С.Ф.: Он женился здесь, у Кишинёве. У нас староверы там были и всё. И он понравил, и женился. Ну, пожил пять лет он там, у Кишинёве. Но тесть его не понравил, ну и знаешь, жена видела, шо такое было, и махазин там открыли. Он им брат был двоюродный там в Кишинёве, помох ему и открыли махазин. А тесть узял и на дочку записал тот магазин, и дочка работала. А он ховорит: «А чё я буду, раз вы, значит, меня не принимаете?!» И пошёл на друхую работу, работал. Ну и пять лет он поработал. Она там связалась с друхим да шла к друхому, а его, как ховоришь, взяла выхнала и развелась. Подала на развод, всё. И он побыл ход, там работал у Кишинёве, и приехал сюда домой. Его мать, отец помёрли, а он приехал – дом свободный. И он жил, пожил год че два, полтора хода, да. И

потом поехал у Покровку как раз во время молений там. Нашёв невесту, тама женился, и так и живут.

Е.Г.: А сейчас вот из России к вам внучка приезжает иногда?

С.Ф.: Приезжает, сейчас вот она приехала, вот её машина.

Е.Г.: Она тоже старообрядка, да?

С.Ф.: Да, старообрядка, и муж тоже.

Е.Г.: А вы их учили старообрядчеству?

С.Ф.: Ну конечно, меня – отец, а я уже их учил обряду этому. И тоже у церковь ходют, приезжают и идут у церков.

Е.Г.: Они венчанные, да?

С.Ф.: Да, венчанные.

Е.Г.: А вы тоже венчались?

С.Ф.: Да, венчався.

Е.Г.: Здесь, в Добрудже, да?

С.Ф.: Да, здесь.

Е.Г.: А кто венчал вас?

С.Ф.: Меня – отец Давыд был, помёр, нема.

Е.Г.: Отец Давыд вообще сколько был пастырем?

С.Ф.: Вот он был 25 лет.

Е.Г.: Считался строгим таким?

С.Ф.: Ну держал закон, правил нас, своё держал. Ну, потом уже у старость пришёл и помёр. А это его зять, на место его был, был тоже 24 хода. И вот помёр теперече.

Е.Г.: А, это отец Епифаний...

С.Ф.: Отец Епифаний, да, помёр. Он старше меня на 2 хода.

Е.Г.: А у вас какая функция в церкви? Есть какая-то особая?

С.Ф.: Я нехрамотный был, шёл у церков так.

Е.Г.: А у вас семья праздник держит какой-нибудь?

С.Ф.: Нет.

Е.Г.: А ваши предки там тоже не держали?

С.Ф.: Дед держал, а сейчас мы не держим.

Е.Г.: У вас вторая хозяйка тоже староверская, да?

С.Ф.: Да, староверская.

Е.Г.: А дед какой праздник держал?

С.Ф.: Держал праздник Николы.

Е.Г.: Летнего, зимнего?

С.Ф.: Летний.

Е.Г.: А в какие года от вас ушёл этот праздник? В какие года ваша семья перестала Николу держать?

С.Ф.: Ну, постарели, помёрли и, значит, всё. Дружие взяли там.

Е.Г.: А вообще вы говорите, вот вы начали читать. А вы читали какие книги? Псалтырь там или что-то просто?

С.Ф.: Псалтырь читал, читал – не читал, э, по одному книга у меня есть Апостола, книга есть, как его, Златовуст. Как поучение там. Не было, чтоб такие работы. Я начал, начал учить и так вывчил немнохо.

Е.Г.: А где вы их доставали, книги?

С.Ф.: Куплял у людей.

Е.Г.: Это уже в 90-е было, наверное, да?

С.Ф.: Да, примерно, восемьдесят, девяносто ходы.

Е.Г.: То есть вы, получается, в самой вере разобрались уже на пенсии, да?

С.Ф.: Ну да, на пенсии. Почему, потому что так я не мал када, семья больша была, надо было работать. А вже вышел на пенсию в восемьдесят восьмым ходу, значит, и шо делать? Взял книхи начал куплять. Купил, там, с Москвы такой простой Псалтырь, потому что там, у тым, сверяться надо было: такие слова есть, шо непонятно. Я купил книху ту, и сверялся так, и читал. Начал, начал, пошёл у церкув. У церкув ходил, начал читать, что там давали и понравилос мне. Так я вывчал.

Е.Г.: А сейчас вы что-нибудь читаете?

С.Ф.: Читаю самое основное, что читать. Книга Златоуст есть. Ну и я, значит, там читаю, разбираю слова: что, для чего, как, на што.

Е.Г.: А какие там поучения больше всего запомнились у Златоуста? Про что?

С.Ф.: Ну как про што? Как жить, как человек живёт, как соблюдает правила. И это, живём, как хovorится.

Е.Г.: А есть, допустим, что-то в вере вашей, что для вас тяжело? Может быть, пост или ещё что-то? Или уже привыкли?

С.Ф.: Как тяжело? Если мы соблюдаем это, значит, приходят постные дни, значит, мы обязаны это держать. Сейчас у нас начинается пост Спасов-то. Так мы ничего с коровы не берём. Только так салаты, што-нибудь такое, картошка там. А коровное, ни яички там, ни молоко, ни мясо – ничего не берём. Две недели. Потом будет храм, Успение Пресвятой Богородицы и, значит, там опять разрешается. И шесть недель. А потом опять. Покровы опять шесть недель – семь. Как препадает когда, какие посты. И вот так соблюдаем.

Е.Г.: А вы вот значение каждого праздника понимаете? Понимаете, что говорят там: Благовещение, Успение, Троица?

С.Ф.: Я понимаю, но смотрю календарь. А в календаре указаны праздники, какие, што. И мы так и соблюдаем.

Е.Г.: Ну а вот, допустим, Благовещение: что это за праздник? Какое у него значение?

С.Ф.: Благовестует земля. Это самый расцвет земли начинается, весна. Вот так вот, благовестует земля.

Е.Г.: А как-то с историей Христа это связано или не очень?

С.Ф.: Ну как связано. Я доброй храмоты у этом не знаю, и не участвовал, и не был. А так, как было по правилам, старики соблюдали, так и мы соблюдаем.

Е.Г.: А вот Троица, это что за праздник? Что это за обычай, его так чтят?

С.Ф.: Троица – это, как хovorится, праздник то же само летний идёт. Троица почему? Потому што три дня, Троица называется.

Е.Г.: Три дня празднуют?

С.Ф.: Да, три дня празднуют.

Е.Г.: Всё время праздновали три дня, да?

С.Ф.: Да, а как же?! Кто может сменить? Потому што, там у календаре указывается, и мы так и соблюдаем.

Е.Г.: А Пасха, тоже, наверное, самый?

С.Ф.: Ну, Паска – Паска, как хovorится, это – само главно.

Е.Г.: А какое значение у Пасхи?

С.Ф.: Ну как, как говорится, прославляем Христа. Христос воскрес в эти дни, и вот, значит, так мы понимаем это. Что Христос воскрес в эти дни, мы соблюдаем. А как там Бох знает – он, как хovorится, этим руководит, а мы подчиняемся.

Е.Г.: А на исповедь вы сколько раз в год ходите обычно?

С.Ф.: В Пост Великий.

Е.Г.: И тогда же причащаетесь, да?

С.Ф.: Да.

Е.Г.: Один раз в год?

С.Ф.: Да.

Е.Г.: А причастие вообще зачем существует? Ну, то есть, зачем оно нужно? А можно не причащаться вообще?

С.Ф.: Ну как, если ты не будешь причащаться, ты не принимаешь Иисуса Христа. Ты же принимаешь Иисуса Христа, значит, причастие откуда: Иисус Христос. И он, значит, он, это, как создал, причастие, вот так и понимаем, если мы понимаем Иисуса Христа. Есть же такие веры, что не при... не понимают. Ховорят, это всё неправда. Как неправда?! Иисус Христос ходил по земле, исцелял людей и помогал и всем да чита. Значит, нада верить.

Е.Г.: А у вас тут никогда не читались Страсти Христовы? Нет да такого?

С.Ф.: *вероятно, отрицательно кивает головой*

Е.Г.: А у вас были случаи, когда вот вам конкретно какой-то святой помог?

С.Ф.: Ну, помог. Я был, как хovorится, нехрамотный. Если б я был храмотный сразу, то, конечно. А так жизнь моя прошла. Я не мал, када в это вникать, потому что семья большая, нада работать было. И так то война, то голодовка, то колхоз, то совхоз и одно за одним было. Надо было работать и всё.

Е.Г.: Вы, когда стали уже книжки читать, вы с кем-то советовались, разбирали что-то или вот своим умом?

С.Ф.: Как советовали? Я, вот, книхи брал, и книхи читал, и разбирал слова, и понимал это, да. А в церкув я ходил, и иду, и слышу, что читается, и какие правила. Вот и я, значит, понимал.

А если кто идёт у церкв, он и интересуется этим, постоял в церкв, помолился там и всё, и на этом конец. А если ты не разбираешь ничего, так тогда что ты будешь. А нада там, када читаешь, слава сказанные что, для чего, надо разбирать.

Е.Г.: А сможете показать какое-нибудь ваше поучение любимое у Златоуста?

С.Ф.: Ну как сказать, я книху принесу покажу.

Е.Г.: Спасибо.

С.Ф.: Ну вот. «Сие же хлахолю христианам, стоячим у Покрове у час литургии, страшные службы и вседушим на подобные словеса. И в том святом месте о фич што творише человеце. Сие на небеси обещал. Егда рече: «Ерей, хор имеем срзца». И ты речеше: «Имы мы Хосподов». Но о суете токмо помышляеши не боишеса ли? И не срамняешьяс у час той обрестися ложе. О велие чудо трапеза Царя Небесного. Приготовлено в Ианицу Боже тебе ради». Это о причастии сказано. И вот так, значит, когда поп хотовит причастие, и причастяешься. Вот тут вот всё указано. Тут как бы сидишь, читаешь, размышляешь в словах, што к чему. И так учил и вывчил трохи. И так уже разбираюсь немнохо, читаю.

Е.Г.: А еще какие-нибудь, просто нам интересно, какие вы ещё любите.

С.Ф.: «Излюблены оставлише еся суетная е погибающие дело жития всего блюдите за не паке ваше сердце мужем злым. Возвратишья в богатство вои слава погибает и доброта умирает и вся изменяется яко сени мимо ходит и аки дым исчезает и аки дворы погибает. Всего ради Соломон глаголевший. Яко суета сует. Всего ради и Давыд глаголевший иже образом ходит человек побачи суете метется не поменен о сего жития. Ничтоже но в сие менее оставляеши називати яко рождены есмь к страшному тому судии поидем. Молися деующия, дряхлые и печальные, сокрушение и смирение, трепетные и страшные, и болезненные. На земле грешные. Тако пред-

станем на том великом и нелицемерном судище». Ну, так оно, вот оно. Так если читаешь, разбираешь слова, что к чему.

Е.Г.: У вас хорошо получается, прямо складно так, красиво.

С.Ф.: Хах, хорошо! Если имеешь желание и любишь это, конечно, будет получаться. А если так живёшь... (неразборчиво).

Е.Г.: А просто посмотреть можно, с какого начинается поучения? Первое самое – какое? Про что оно? Там написано, про что оно?

С.Ф.: «Придет братие, послушайте Христова гласа. Да бодрейшие будем на послушание. Сию убо причию спасе ради, нашего ради спасения». И от.

Е.Г.: Спаси, Христос. А это вы у кого купили? Тоже у местного у кого-то?

С.Ф.: У старикоу, которые уходят, помирают, а мы ж остаёмси. Вот и значит. А сейчас у те имею книг Златовуст, Псалтырь, Часовник, это, как его...

Е.Г.: Апостол?

С.Ф.: Апостола. И том, эй, как его, Каноны, это такое есть книха. И я эти книхи собрал все, и от я своему внуку предупредил: «От книхи, смотри. Бери и...». Он там живёт тоже, ходит у церкв, ему батька предлахает: «Ходи у церкв, читай». Он храмотный тоже трошки и ходит, читает. Али я помру, он должен придти хоть, забрать книхи все. Потому што он детей имеет: сына, дочку, две дочки. И так будут продовжать, а потом он передаст свои книхи. А старики есть кому всё продают, помирают и думают: «На шо я останусь?» Продают... И я все купиу. Недорхо, но всё-таки. Надо... Если я хотели читать, а я нехрамотный был, не имел кних. А раз книхи не имеешь, ничего не сделаешь. Раз так книхи есть, садись и разбираешь слова, читаешь, што к чему. Жени рассказываю, она слухает. Вот мы так и продовжаем.

Е.Г.: А жена вообще не умеет читать, да?

С.Ф.: Читать она умеет, она в школу ходила. Она моложе меня на 16 лет. Так она в школу ходила и училась.

Е.Г.: А вы вот в семье росли, вас 9 человек было. Вы вообще дружны были с братьями, сёстрами или ругались?

С.Ф.: Дружно. И сейчас ещё живём: вот сестра рядом живёт. <...> Это отцовский дом. А я кола отца построил. А брат даще там, старший был строил, купил отец место и построил. Уже брат помёр старший, сестра одна помёрла. А остальные ещё семеро (пятеро сестёр и нас, двое братьев) живые.

Е.Г.: А у вас было такое, что вас родители за какие-нибудь шалости наказывали в детстве?

С.Ф.: Ну как наказывали, заставляли работать. А больше что, меня можно это.

Е.Г.: Ну вы не проказничали?

С.Ф.: Конечно, а как же. Ну как я мог. Сейчас кто не подчиняется отцу, сын или там дочка, и сел, и поехала на друхую работу. А раньше-то не пойдёшь никуда от отца, потому што отец имел землю и накормил. А если я пойду, кто меня будет кормить? Так подчиняешься отцу.

Е.Г.: Вы кого больше боялись: отца или маму?

С.Ф.: Отца, конечно. Отец – хозяин. Мама есть мама. Она, как ховорится, детей больше хлидит, но отец командует.

Е.Г.: Был какой-то случай, когда вы в доме что-то в доме там набедокурили, и вам влетело?

С.Ф.: Я занимался больше худобой. Лошадей пас, коней пас, и работал больше, потому што старший. Отец посылал боле меня. А эти были меньшие, я им, конечно, помогал, хлядел, ну и определял и всё. Потому што я старший был.

Е.Г.: А скажите, вам кто-нибудь, может быть, там родители или бабушка, дед благословили какую-нибудь икону? На венчание, может быть?

С.Ф.: Нет. Мне отец, если я женился, венчался, отец купил мене Николину, блахословение блахословил, да, и тесть, как, дочке тоже блахословил. И тоже икона Покров, да. И так...

Е.Г.: И вы их передадите уже своим?

С.Ф.: Да, своим, конечно, родитель. Поколение поколению.

Е.Г.: А тут, в Добрудже, были когда-нибудь иконописцы свои, кто писал иконы?

С.Ф.: Иконопице были такие, молодёжь начинали, но им не блахословляли, потому што это иконописец имеет блахословение от священника. И он блахословил, и он пишет, ентй, иконы подчиняются. А если не блахословил, значит, это.

Е.Г.: А в какие года были такие, кто сам начал писать?

С.Ф.: У хороди, у хороди был отца Афоника зять, писал иконы. Хорошие такие, красивые иконы писал, да.

Е.Г.: А как его звали?

С.Ф.: Его?.. Не помню. Отца его Афоник, это знаю, а зятья я не знаю, не помню.

Е.Г.: И он не имел благословение на писание?

С.Ф.: Не, он имел блахословение, он имел, и писал, и люди купляли, брали иконы, а как же. А сейчас у нас, у етм, Куничном, там тоже мнохо писал. Крестникам своим ездил туда иконы заказывал: Николину, Бохородицу, какие. И привозил, и блахословлял.

Е.Г.: Икону нужно обязательно купить, а потом к батюшке на благословение нести, да?

С.Ф.: Да.

Е.Г.: А крестик вы всегда носили?

С.Ф.: Да, я как народился, так и сейчас, и ношу. Раз я крестился, значит, я подчиняюсь и верую Исуса Христа. Значит, и крестился.

Е.Г.: А кто у вас были крёстные?

С.Ф.: Ну крёстные помёрли уже, конечно. Отцов шурин крестил мене и крёстная Лисавета тоже. В 29-м ходу оны, я родился, и она крестила мене. Она мене приезжала и ховорила: «Я вышла замуж в 29-м ходу, ты родился, и я тебе крестила».

Е.Г.: Она приезжала как в гости к семье, да?

С.Ф.: Да, в хости.

Е.Г.: Она вам по родне была или нет?

С.Ф.: Она была за моим отцом, моего отца за братом, да, замужем. И, конечно, свои были. Она приехала сюда к нам на храм, на праздники.

Е.Г.: Вообще раньше строго следили за роднёй? Чтобы, вот, духовного родства не было?

С.Ф.: И сейчас соблюдают. Почему, потому што, вот, женятся и замуж выходят, шоб у родстве не брались. Конечно, соблюдают. Если в родстве, значит, не блахословляют родители браться.

Е.Г.: А кто за этим следит?

С.Ф.: Как, это, как его, родственники. А это значит, я должен знать, мама кого крестила, кто ей крёстный. Так самое и мои дети должны знать, хто крестил ково. Раз крестил, значит, он же родной. Всё, нет блахословения. Там по степеням, наблюдают степень – седьмая, четвёртая, пятая, третья. Как, значит, двоюродный, троюродный. До четвёртой степени рарешается, значит, соединяться, сходиться. А там дальше...

Е.Г.: А если вдруг батюшка повенчал тех, кто родня, а потом выяснилось? Что в таких случаях делать?

ДРУГОЙ КОНЕЦ ЗЕМЛИ

С.Ф.: А закон такой, что батюшка друхой не имеет права. Вот, пример, я хочу поехать и в друхом селе повенчаться – нет, не разрешаются. Будет батюшка тот запрещённый. Вот ездил мою дочку то же само, вроде родня была, там какая-то дальняя родня, но хотел шоб давал, а я не дал. Поехали к друхому, значит, шоб повенчать. Он сохласился повенчать: «Дай расписку от вашего священника, шо разрешает». И не разрешили, и не повенчались.

Е.Г.: А вы хотели в обход как бы сделать?

С.Ф.: Да, да, в обход, но не разрешают. А если б тот батюшка повенчал, значит, он был бы запрещённый.

Е.Г.: Это кто не стал вашу дочку венчать?

С.Ф.: Ну отец Давыд вообще-то, да. А он, отец Давыд, был у Хозора хрёсный, и он соблюдал правила, куда же. А у нас был раньше митрополит, значит, был епископ самым старшим Московский. Он в Москве как служит. И закон был твёрдый, запрещал крухом, ни храма, ни... И подчинялись.

Е.Г.: В итоге, ваша дочка за этого ухажёра так и не вышла, да?

С.Ф.: Вышла, вышла. Вышла, не венчались, а потом посляд повенчали. Московский приехал епископ, разрешил такую родню. И повенчали.

Е.Г.: А Московский епископ как объяснил, почему он разрешает?

С.Ф.: Почему разрешает, потому што он был самый старший, а хто ему мох запретить.

Е.Г.: Просто самочинно, да?

С.Ф.: По нашей вере, в Москве – самый старший. Мы подчиняемся там сама хлавна.

Е.Г.: А у вас были в семье родственники такие, которых не отпевали, в церковь не заносили?

С.Ф.: Не, таких не было.

Е.Г.: Плохо считается, если человек ушёл на тот свет, а его не отпели? Это как для души?

С.Ф.: Он, значит, не соблюдал правила. Поэтому ему и не отпели. Не подчинялся. Тады раньше были коммунисты, коммунисты, значит, не подчинялись. А счас попами, дьяками коммунисты. Почему, потому што сменилась вера, всё, партии нема.

Публикацию подготовила
Тамара Чернакова, 2 курс

Расстояние – поразительная величина. И относительная. Для сибиряков тысяча километров – это «рядом»: путь от Читы до Иркутска или от Тюмени до Новосибирска по ощущениям почти как для нас от Москвы до Владимира. Сибирь – огромный и неизведанный край для живущих «на западе», в «средней полосе». А «Россия», та, что «за Камнем» – за Уральским хребтом – невозможно далека для многих сибиряков. Как пел А. Башлачев: «Я хотел бы жить и умереть в России, если б не было такой земли – Сибирь».

Лет десять назад я проехала из Владивостока до Москвы на поезде. Тогда еще подумала, что это самый лучший урок географии, антропологии, геополитики и много чего еще в моей жизни. И все-таки, лично для меня Китай и Северная Америка – близко, а Камчатка и Сахалин – за тридевять земель.

Хабаровск, Владивосток, город Большой Камень и поселок Суходол – этот маршрут в прошедшем сентябре казался нам из Москвы финальной частью пути в волшебную страну Беловодье, к молочным рекам, к праведным старообрядческим архиереям. Из столицы в путь мы отправились вдвоем с Екатериной Косыревой, сотрудником Архива РАН, а в Хабаровске к нам присоединился старообрядец и «староверовед» Иван Шевнин, который эту поездку и затеял.

Было известно, что едем мы в мужское общежитие старообрядцев белокриницкого согласия, где собран архив общины за последние приблизительно 20 лет. И что архив этот представляет собой «россыпь», которую нам надо систематизировать и, по возможности, разобрать. И еще – от церкви, рядом с которой мы будем жить, до бухты (это ж Тихий океан!) – полчаса пешком через бывшее вертолетное поле.

Летели через Хабаровск, чтобы познакомиться с местными старообрядцами и использовать возможности научного туризма. На другой день доби-

рались автобусами из Владивостокского аэропорта в Суходол извилистыми дорогами по краю Уссурийского залива через Большой Камень. На исходе вторых бессонных суток пугали хабаровские разговоры: «у них в Суходоле магазина уже пару лет нет», «мыться там негде – душ прошлым летом сломали», «а где они вас поселят, у них все кельи заняты», «а если завхозу не понравится...» и т.п.

Мрачные прогнозы не оправдались – келью нам выделили, был душ и баня раз в неделю, была частная продуктовая лавка, и даже завхоз нас терпел. Были и неожиданные чудеса – свежие мидии и икра морских ежей, полный огород помидоров и винограда, а еще возможность наблюдать за работой иконописца, слушать духовные стихи, беседовать со старообрядческим священником. Но все равно к местным особенностям принаравливаясь было сложно.

Вячеслав Измайлов за работой

Во-первых, повышенная влажность, которая создает трудности даже для людей (ночами промозгло и под ватным одеялом), а для архива и библиотеки старопечатных книг – это просто смерть, которую мы все две недели старались максимально замедлить, протирая зараженные плесневыми грибами книги дезинфицирующим раствором.

Во-вторых, в каждой старообрядческой общине свои правила поведения, о которых не всегда скажут, и надо быть особенно внимательными и чуткими, чтобы не обидеть.

Коробки с архивной россыпью в церкви

Для архивной работы в первый день нам вынесли примерно кубометр материалов, часть которых, в основном письма, была подшита в канцелярские папки (все скобы и скрепки покрыты ржавчиной), другая часть состояла из слабо систематизированных и просто перепутанных документов вперемежку с газетами, вырезками, фотографиями. Рассортировав до сумерек несколько коробок, мы с коллегой решили, что за две недели успеем разобрать весь этот архив. Однако второй кубометр документов нам вынесли на третий день наших трудов. А третий появился за два дня до отъезда. Удивительно, но все-таки мы успели закончить систематизацию благодаря личному участию создателя архива – настоятеля общины.

Две недели совместного быта и труда сближают людей. Невольно наблюдая друг за другом, мы начинаем доверять. Жизнь в общине день за днем объясняет существенно больше, чем ответы на вопросы, которые мы могли бы задать в обычной экспедиции этим старообрядцам. И теперь нам предстоит помогать нашим новым друзьям, насколько сможем.

Н.В. Литвина, Архлаб